

ПОЧЕМУ!

Моск. новости -
1988 - 18 дек (№51):
с. 3.

Уроки сострадания

Александр БОРЩАГОВСКИЙ

Удар пришелся по земле, и без того истерзанной распрями и неутихавшим ожесточением, которому, казалось, на пороге нового тысячелетия нет и не может быть места в нашей семье. Земная кора дрогнула и разорвалась там, где ослабли и связи душ, и межнациональный союз людей, где и сама природа, заботясь она судьбами сотен тысяч людей, обязана была бы блюсти спасительную тишину, ровное дыхание, помогая людям хотя бы привычною и покоем.

Я далек от мысли связывать

причинной общностью человеческую жизнь, наши беды и ошибки с природными катаклизмами. Они непредсказуемы. Их не контролирует и некая сверхъестественная сила: господь бог, существуй он, по справедливости должен был бы в декабре 1988 года отвести жестокую длань от армянской земли. Но стихия незряча и слепо бесчеловечна, а нам дарованы разум и зрение и способность извлекать исторические уроки.

Крымское землетрясение двадцатых годов только краешком коснулось моего дет-

ского сознания. Ашхабад 1948 года потряс страну, как ни пытались замалчивать его истинные масштабы, хранить их как военную тайну не только от зарубежья, но и от нас. Тогда, в 1948-м, война еще дышала в затылок, еще нам было привычно сражаться, хоронить и тут же строить, наводить мосты жизни. Ташкент 1966-го отозвался непомерной горечью в каждом сердце, но вселяло надежды одно: там рухнуло по преимуществу старое, отжившее, а новый железобетонный и кирпичный Ташкент устоял крепче, — значит, можно защититься...

И вот — новая трагедия. Об ее страшном, кровавом размахе, о том, как исчезали не хибары, а многоэтажные дома, как школы, рухнув, превращались в могильники, расскажут очевидцы, люди, чудом уцелевшие под обломками, и те, еще более несчастные, кто мечется в поисках близких, кто потрясенным взглядом встречает у сгнувшей школы каждое извлеченное из развалин тело.

Минутами кажется, что воображение позволит нам представить себе и всю картину, но это самообман, — она непредставима, как непредставима — во всей тра-

гической полноте — война для невоевавшего.

Тем отчетливее для нас все, что отныне окружает трагедию: время, мера сострадания и уроки. И уроки тоже.

Мы живем в стремительно меняющемся времени. К новой жизни, достойной и честной, без лукавых слов и обманного жизненного счета, мы идем во вспышках спорах, в непомерности претензий, в спасительном озоне демократической новизны, ее почти неизбежных переходов. Готовы ли мы к реальным делам, к самым простым, естественным, но и самым важным душевным движениям: к безоглядной помощи друг другу, к милосердию, к примирению?

Уверен, готовы: урок трагедии еще и в том, что она не просто бросает обнажающий свет на нашу жизнь, она молча, но неистово подталкивает к добру, к простейшей и спасительной истине — единству нашей крови и судьбы.

И мы просто обязаны были перед лицом этой Трагедии объявить траур страны, вывести над каждым домом флаг Отечества с черным крепом, — этот государственный акт только оформил, освятил подлинное состояние сердец всех граждан.

И в памятные дни Ашхабада люди доброй воли всей Земли, вопреки нашим умолчаниям в духе времени, испытывали не только скорбь по погибшим и сострадание к чужому горю, но и желание помочь ашхабадцам. Но как разительна сегодняшняя картина мира и как огромна всколыхнувшая его волна, братская волна сочувствия и деятельной помощи. Мы пожимаем каждую протянутую к нам руку, перед лицом трагедии отбросив ложное чувство «гордости», а точнее — спеси, перечеркнув давнее заблуждение, что «жалость унижает». Мы делаем это и ради страдающей земли Армении, и во имя крепнущего единства мира. Пусть и эти живые нити, быть может, самые прочные из всех, нити человечности и свяжут нас и жителей других стран и континентов.

Но не умолчу и о другом. Грех было бы молчать, когда это у всех на устах и стократно на уме и в душе. Мы смотрим вперед, поверх развалин, которые будут убраны, даже поверх кровель домов, которые будут поставлены на армянской земле строениями всей страны. Вглядываясь в лица давних друзей и думаем, тревожно думаем: неужели не уляжется распря,

сотрясавшая земли Закавказья, неужели и эта кровь, и эта беда, и победившее в дни трагедии братство снова будут атакованы силами заблуждения и темноты?! Мне невольно приходит на ум, что в мифологии римлян Вулкан — бог не только разрушительного, но и очистительного пламени.

Все ли готовы к очищению, все ли хотят его?

Горько сознавать, что в дни, когда под развалинами еще, может быть, теплятся чьи-то жизни, из черного дыма пожаров возникли и честолюбцы — пусть их единицы, — спекулирующие на трагедии собственного народа. У тысяч людей по всей стране родилось естественное желание приютить, согреть хоть на время беды сирот, детей Спитака и Лени-накана, окружить их теплом человечности, и грешно было бы заподозрить их в недобром умысле.

Десятки, если не сотни тысяч соотечественников торопятся сдать кровь страдальцам Армении; самолеты из-за рубежа везут кровь и плазму и все другое, что необходимо пострадавшим. Эта кровь священна. Она бесценная, в ней надежда на справедливый мир людей.